

The background of the book cover is a composite image. The left side shows a dense forest with trees in shades of green and yellow, suggesting autumn. The right side shows a similar forest scene but with a starry night sky visible through the trees. A vertical white line separates the two halves. At the top and bottom, there are horizontal bands of a dark olive green color.

18+

Е.Ермак

Серебристая Чаща

Часть 1

Е. Ермак

Серебристая Чаша. 1 часть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57209328

SelfPub; 2020

Аннотация

В подмосковном поселке "Серебристая Чаша" случилась трагедия. В одной многодетной семье засудили мужа за убийство жены. Через некоторое время мужчину выпустили из тюрьмы. Автор с позиции стороннего наблюдателя рассказывает свою версию событий, пытается найти виновного в убийстве женщины и дает свое объяснение тому, что произошло.

Быть подростком сложно. Особенно, если оказаться в Серебристой Чаще, и не просто оказаться, а переехать туда, пойти учиться в новую школу к другим подросткам.

Моя семья переехала в этот поселок из города. В разгаре были девяностые годы, и взрослые заботились о том, чтобы выжить, а подростки были предоставлены сами себе. Серебристая Чаща – поэтичное название, навсегда застряла в моем сердце и разуме, до сих пор течет разбавленная по моим венам, и вшита куда-то вовнутрь меня. Так глубоко, что до сих пор воспоминания могут заставить меня, если не заплакать, то грустно вздохнуть. А ведь я уже давно взрослая тетка.

Я помню окна-глаза в серых пятиэтажных домах, устремлённые на меня. И если я приеду туда опять, мне будет сложно не вспоминать снова и снова то, что случилось со мной, что сотворила со мной эта проклятая Серебристая Чаща. Только изгой, которого все сторонятся, может понять мои чувства.

Почему я не попросила помощи? Почему я не защитила себя? Почему, почему? Мне было стыдно. Я боялась. И это длилось целую вечность, а на самом деле не больше одного хилого года.

Мне исполнилось тринадцать лет, когда моя мама получила квартиру. К моему сожалению, не в городе, а в поселке городского типа. Людей в поселке было на порядок меньше, чем в городе, и для меня тот маленький злой мирок состоял

только из тех, кого я знала. Моя демократичная мама не настаивала на том, чтобы я меняла школу, и какое-то время я ездила в городскую школу на электричке. Эти три остановки были для меня целым путешествием. Но причина моего ухода из городской школы в поселковую были не три остановки на электричке каждое сонное утро, а ревность. Подружка из моей старой школы совершенно оторвалась от меня, а я больше ни с кем так близко не дружила, как с ней. Леночка Филатова в свои тринадцать лет была стройной, рослой, интересной девочкой. Она выросла, интересовалась мальчиками, а мне хотелось продлить свое, а заодно и ее детство. Я отказывалась отдавать свою подружку дурным компаниям, к которым ее тянуло. Я ревновала и страдала. Когда я поняла, что Леночка ушла от меня безвозвратно, то попросила своих родителей перевести меня из старой школы в новую – ту, что в поселке. Школа как школа. Белая, трехэтажная, наполненная визгами, криками и знаниями. Но то касалось благополучных, любознательных деток, а я была не такой.

Сигареты и алкоголь в тринадцать лет? Мне они нравились. Они делали из меня взрослую и смелую. Так я думала. Помню я протирала лицо розовым лосьоном перед зеркалом в ванной нашей новой квартиры и внушала себе: раз я курю, то рискую состоянием кожи, а, значит, буду каждый день протирать кожу. Какие умные зрелые мысли у малолетки! В моей голове теснились советы из женских журналов, прочитанные мною в бесчисленных количествах. Зачем я дымила

и пила алкоголь? В тринадцать лет. В толк сейчас не возьму. Но подростков взрослые не понимают, а я теперь взрослая. Когда меня начали унижать в Серебристой чаще, я стала бояться ходить по улицам, бояться идти в школу. Я ничего не могла противопоставить грубой физической силе и мерзким окрикам. Мне было тринадцать, и я научилась надевать на свое лицо выражение, в которое я вкладывала почти молитву: не троньте меня, не обзывайте меня, я никого не обижаю, я бесхребетная серость. Иногда это срабатывало. Меня перестали замечать к концу того ужасного года, перестали задирать и унижать. Я добилась полной бесцветности, и это стало моим спасением.

Но поначалу всё было не так. Мы переехали в Серебристую чашу ранней осенью. Осень была золотой, теплой, с яркими опадающими листьями. Я чувствовала себя красавицей в новой квартире, с ярким жёлтым паркетом на полу, с новым чайным сервизом, где на белом фоне были изображены красные большие цветы. Каждое утро я накладывала макияж из нового подаренного мне набора косметики. Я была подростком, обидчивым и своенравным. Мне нравилось красить губы тенями для глаз, которых в наборе было много. Каждый новый день я использовала новый цвет. Мой отец не умел быть деликатным, и прямо указал мне на то, что я выгляжу странно. Естественно, я обиделась, и радость от собственной изобретательности померкла. У нас была собака. Я назвала ее Рикки, по первой части имени мангуста из

Рикки-Тикки-Такки Р.Киплинга. Собаку свою я стыдилась от того, что кончик ее хвоста был будто обрубленным. Если я с ней выходила гулять, то переживала мучительные моменты от возможного внимания к ее хвосту. Чем больше я думаю о своих тогдашних чувствах, тем больше я понимаю, что главным и непреходящим для меня чувством был стыд. Мне было стыдно от того, что я плохо владею своим телом и языком в состоянии опьянения. Но понять, зачем я употребляла спиртное сейчас не могу, хоть убей! Впрочем, наверное, это из-за страха. Ведь, когда выпьешь, то ничего не страшно, всё весело и все, как родные. Сложно это.

Так вот золотая осень. Беседка в санатории, который находился и находится в Серебристой чаще. В беседке сижу я, курю, чувствую себя красивой и интересной. Меня окружают исключительно мальчишки, примерно моего возраста. Они восхищённо смотрят на меня. Ещё бы! Девчонка из города, живёт в новом доме, симпатичная. Я просто купалась во внимании. Солнце светило, желто-красные листья шуршали под ногами, теплый ветер развевал мои распущенные волосы. В беседке сидел высокий, красивый парень. Я ещё не знала, что за смазливость его в Серебристой чаще не жаловали. Как зритель моей первоначальной успешности в поселке, он меня более чем устраивал. Привлекала я отчего-то только мальчишек, девчонки со мной не знакомились.

В четвертом подъезде нашего нового дома жил парень, который был меня старше лет на пять. Игорь. Я ему пригляну-

лась, и он предложил мне встречаться.

Наблюдая свою подружку со старой школы Леночку, я приблизительно знала, чего мне ожидать, как новенькой. Интерес, восхищения, зависти, но все оказалось не так. Я переехала в новую школу, в новый класс. Никому особенно я не приглянулась, друзей у меня не было. Я исправно ходила какое-то время в школу, но потом я начала прогуливать, много. Моя школа находилась метрах в ста от дома. О таком можно только мечтать. Утром мама уходила на работу, а я вместо того, чтобы идти в школу, пряталась в подъезде. Когда я видела из окна, что она ушла, то возвращалась в квартиру. Моя сестренка ходила тем временем во второй класс этой же новой для нее школы. Она быстро адаптировалась и, особых трудностей не испытывала. Мой старший брат продолжал ездить в нашу старую школу, так как доучивался последний год. И друзья у него остались прежними в том городе, откуда мы уехали. В общем, мама и папа работали, брат и сестра учились, одна я как-то осталась не у дел. Я продолжала тосковать по своей бывшей подружке, продолжала курить и выпивать с мальчишками из Серебристой чаши, прогуливать с ними школу, и бесконечно стыдилась всего. Своих родителей, своей собаки, того, что у меня нет подруг. Ко мне заходили девчонки, но, в основном, попарно. И приходили они на какие-то нелепые разборки. Серебристая чаша кормилась сплетнями обо мне, не понятно от чего, от скуки, наверное... Однажды в школьном вестибюле мне пригрозил

какой-то парень расправой. Услышав это, вполне взрослая девчонка сказала, что меня давно следовало проучить. А я все думала и думаю, за что? Сколько лет прошло, а я помню дословно некоторые обидные прозвища в мой адрес. Когда это началось? Когда схлынула всеобщая волна интереса ко мне? Не последнюю роль в потере симпатии ко мне сыграл тот парень, что предложил встретаться.

Парень из соседнего подъезда имел неплохую репутацию среди молодежи. Странно говорить о репутации, имея ввиду подростков. Но стоило в Серебристой чаще оступиться, как снежный ком из сплетен катился на человека. Помню был мальчишка, которому не посчастливилось столкнуться вечером с компанией подвыпивших ребят. Ребята унизили бедного пацана, заставив встать на колени на асфальте, а болтовня об этом дошла даже до меня, до изгоя, буквально на следующий день. Каюсь, что с тех пор об этом мальчишке я думала только в уничижительной форме. Я не могу объяснить, почему в этом поселке в конце прошлого века были настолько жёсткие нравы. И допускаю крамольную мысль о том, что с жестокими сторонами ребят довелось познакомиться исключительно мне. Потому как я вела себя не так, как нужно было. Парень из соседнего подъезда был так же, как и я из многодетной семьи. У моих родителей было трое детей, а в его семье было четверо. У меня старший брат и младшая сестра, а у него, наоборот, старшая сестра и два младших брата. Парня звали Игорь. Он был широк в пле-

чах, коренаст, лицом скорее мужественным, чем симпатичным. Как я уже говорила, у Игоря была хорошая репутация. Он был покладист, молчалив, но его никто не задирал, побаивались его тихой уверенности в себе и крепких кулаков. Я приглянулась ему, и будь я спокойной, скромной девчонкой, то оказалась бы под его защитой, и мое взросление в Серебристой чаще не стало бы для меня таким памятным, точнее злопамятным. Однако я не была влюблена в Игоря, мне просто нравилось целоваться с почти взрослым парнем, нравилось общаться с его двумя весёлыми друзьями, я чувствовала себя включенной в привилегированное общество молодежи в Серебристой чаще. К Игорю заходила Танечка, его соседка по подъезду. Танечка была очень симпатичной, блондинкой с зеленоватыми глазами. Она была старше меня года на два и казалась мне верхом элегантности. Как-то я имела неосторожность поделиться с одной девочкой своими наблюдениями за внешностью Танечки. Я углядела на ее бледном лбу пару прыщей. Дорого же я поплатилась за свои слова. Но об этом позже. А пока только начало учебного года в новой школе, я встречаюсь с премиальным парнем, я курю, посещаю кино и сельские дискотеки, выпиваю, когда наливают. Наливают часто, почти в каждый мой выход из дома. Самогон, водка. Самое оно для тринадцатилетней девчонки! Родители мои боялись сказать мне грубое слово, потому как полугодом ранее я в компании со своей старой подружкой Леной Филатовой сбежала из дома. Нас не было

дней десять, и моя мать сходила с ума, катаясь по полу от тревоги за меня. У подружки была склонность к бродяжничеству, а я ушла из дома с нею за компанию. Меня охватило адреналиновые чувство тревоги и свободы, когда последняя электричка ушла, а я по-прежнему оставалась на улице. Было лето, пустынные улицы, тепло и весело. Ах, совсем забыла, что помимо меня и Лены с нами отвязался от правильной жизни симпатичный мальчишка. Он ухаживал за Леной, и, естественно, я хотела, чтобы он ухаживал не за ней, а за мной. Бедная моя мама! Мы ночевали в электричках, у каких-то взрослых знакомых, не слишком отягощенных понятием нормальной жизни. Несмотря на то, что я была наивной девчонкой без тормозов, со мной ничего плохого не случилось. Я думаю, что ангел-хранитель и материнская любовь оберегают маленьких детей и сбежавших из дома легкомысленных подростков. Так вот, когда мы уже переехали в Серебристую чашу, мои родители боялись мне сказать грубое слово, лишь бы я снова не смоталась из дома. Они старались закрывать глаза на запах сигарет и алкоголя. Я помню, однажды, когда мы сидели в подьезде и попивали что-то, туда неожиданно зашла моя мама. Я сидела у кого-то на коленях, пьяно флиртвала. Моя измочаленная бытом мать увидела меня. Стало невыносимо стыдно, и я убежала от нее, пока она сообразила, что к чему.

Всё мне было стыдно, от всего, ото всех, от самой себя. Я не могу объяснить, что это за напасть такая у меня была.

Стыд.

Опишу, пожалуй, Серебристую чашу. Это поселок, окружённый с одной стороны леском, с другой деревеньками. Поселок упирался в железную дорогу, по которой до Москвы ехать чуть больше часа, а до города, где я родилась и училась до седьмого класса – три остановки. Природа в Серебристой чаше радовала чудесным воздухом, обычно чистым высоким небом, жёлтой осенней травой в полях. На территории поселка было даже два водоёма. Один – болотистый. Изредка местные запойные мужики в нем пытались поймать рыбу. В другом водоеме побольше в жаркие летние дни люди купались. Ещё к Серебристой чаше примыкали огороды. Народ выращивал, что мог и возил продавать в Москву. Время было такое. Мы тоже возили, в основном, зелёный лук и мяту. Наш огород находился минутах в двадцати ходьбы от квартиры в Серебристой чаше. Он не был шибко большим, но мне вполне хватало его площади для прополки грядок. Я помню, как уставала вытаскивать сорняки. Я садилась прямо на сухую землю вдоль грядки и так полола. Зато лук был знатный, упругий, длинный, ровный, темно-зеленый. За всю жизнь я не встречала такого вкусного лука. Мы его ничем не удобряли, и он рос под солнцем как ему вздумается, вверх и вверх. Потом мама продала огород, хотя и очень любила землю, копаться в ней, выращивать овощи. Но кроме нее ходить на огород стало со временем некому, а она и так уставала. На маме была готовка, стирка, глажка, дети. Уборка и

мытьё посуды было на мне. Я благодарна своему брату, что гуляние с нашей собакой было на нем. Ведь я стыдилась нашу бедную псину, ее внешнего вида и невоспитанности. Собака лает независимо от того, хочу я этого или нет.

Итак, Игорь. Как-то в один из вечеров, когда мы собирались на дискотеку, а следовательно, выпивали, его друг Серёжка решил проявить ко мне интерес. Мне, тринадцатилетней малолетке представился шанс почувствовать себя роковой женщиной-вамп. Я приняла его ухаживания, не подозревая о подлом плане Сережки. Едва представился момент, Серёжка заявил Игорю, что я вертихвостка, и продолжать со мной встречаться – это не уважать себя. А что главное было в Серебристой чаше для подростка? Сохранить лицо, сохранить к себе уважение, иначе сплетни накроют грязевым потоком, из которого не выбраться. Поэтому Игорь отвернулся от меня. Но я не сразу узнала об этом.

Помню, стоял кружок из парней и девчонок на улице прямо перед окнами нашего дома. Там был Игорь, блондиночка Таня, подлый Серёжка, ещё один приятель Игоря и другие ребята с хорошей репутацией. Я подошла к этому кружку и что-то сказала или спросила. Кружок замолк и сделал вид, что я не существую. Кружок не разомкнулся, не впустил меня. Я постояла неловко рядом, потом повернулась и ушла в свой подъезд. Это было началом моего социального поражения в Серебристой чаше.

Потом вдруг всё покатилося, как с огромной горы, наби-

рая скорость и мощь. Мальчишки, с которыми я дымила, при моем приближении в лучшем случае отворачивались, а в худшем обзывались. В мгновение ока я превратилась в девчонку, с которой рядом оказаться означало стать таким же изгоем. Ну, а девицы со мной и так не дружили. Тут уж ничего нового не было. В школе появляться становилось невыносимо. Если мне удавалось затеряться с толпой приличных учеников, то я могла относительно спокойно преодолеть десять ступенек на школьное крыльцо и проникнуть в царство знаний через тяжёлую входную дверь. Но часто на крыльце стоял кружок. Опять кружок из парней и девчонок, которые не слишком любили учиться, а любили тусоваться и сплетничать. Они могли выцепить меня из толпы и обозвать при всех. Прозвище было похабное, означающее легкомысленную женщину с пониженной социальной ответственностью. Эти подростки из кружка все были популярны среди молодежи. Их мнение обо мне распространялось подобно кругам на воде. Меня могли схватить за волосы, смеясь подтолкнуть, ударить по мягкому месту. Поход в школу грозил мне как физически, так и психологически. Как-то в ответ на обзывательство я показала грубый жест в школе тому самому Сережке. Это было в вестибюле, и мой жест могли видеть другие школьники. Естественно, Серёжка был просто обязан восстановить свой авторитет. Он подскочил ко мне и схватил меня за горло. Так, что я даже приподнялась на цыпочки. Серёжка что-то прошипел мне в лицо и отпустил. Я чув-

ствовала себя облитой грязью. Ведь меня тоже видели другие школьники, но я ничего физически в ответ сделать бы не смогла, даже если бы осмелела настолько, чтобы дать отпор. Отныне при обзываниях на меня нападала немота. Я не огрызалась в ответ так, как боялась нарваться на физическую грубость от обидчика. Не было в нашей школе никого, кто бы мог и хотел бы меня защитить. Впрочем, я и не просила никого об этом. Я затаилась и упала на дно. Думала, что так обо мне забудут. Выходила в магазин и надевала на лицо маску, которая жалобно шептала: не троньте меня! Иногда это помогало. Но был случай, который я запомнила на всю жизнь. Меня вывели за школу. Там были ребята из кружка и Танечка, о прыщах которой я однажды заикнулась. Мальчишки из кружка меня пообзывали, слегка потолкали и оставили в покое. Помню я сидела на шине, утопавшей в земле наполовину. Расстрепанная, растерянная, не соображающая, что мне дальше делать и куда идти. Была прохладная сухая осень, ясное небо и солнце в глаза. Моих унижений Танечке показалось маловато, и она вместе с толстой мерзкой Бэллочкой подошла ко мне. Бэллочка – это прозвище, кличка, которой снабдили в Серебристой чаще эту вульгарную девчонку. У Бэллочки было тупое полное лицо, маленькие испуганные глазки, губы, всегда готовые сказать скабрзность. Она тоже выживала в Серебристой чаще как могла. Была непопулярной, откровенно некрасивой, грубой и неумной. Но к ней не цеплялись сильно от того, что ее неповоротливое туловище

могло ненароком задеть смельчака. Бэллочка брала массой. И вот Танечка с Бэллочкой подошли ко мне и велели идти в свой класс. Ну, прямо борцы за знания. Я была слишком расстрепанной, чтобы идти в школу, да и звонок давно прозвенел. Но на девочек мои аргументы не подействовали. Танечка подошла ко мне и навертела себе на пальцы мои волосы. Мои светлые, шелковые, на солнце золотые волосы. Я подумала, что она завидует моим живым волосам против своих сожженных перекисью белых прядей. Вот какие мысли мелькали у меня в голове, пока Танечка с Бэллочкой тащили меня в мой класс. Подойдя ко двери, Бэллочка постучала в нее и, не дожидаясь ответа, втолкнула меня в класс. Поскольку девочка она была мощная, то я пролетела почти до середины класса, шепотом сказала "блин", чтобы не показаться жертвой, хотя я была ею. И мне нужно было кричать об этом, но меня будто речку сковало льдом. Я сидела на задней парте одна, не понимала ни слова, из того, что говорит учитель, не понимала, что происходит в классе с обычными приличными детьми. Я только снова и снова переживала, как жалко я выглядела, когда Бэлла втолкнула меня в класс. Естественно, моя учеба тоже пострадала за то время, что я была изгоем в этой поселковой школе. Учителя полагали, что я попросту прогульщика и двоечница. Классного руководителя я даже не помню. В конце учебного года выяснилось, что я не аттестована по основным предметам. Если бы мои родители не пошли к директору и не добились того,

что я разом сдала эти самые предметы, то я осталась бы на второй год. Вот тогда мне бы грозило надолго завязнуть, как физически, так и морально в этом болоте Серебристой чаши. Я помню, как писала что-то на школьной доске, а сзади учитель цокал языком, дескать, ведь не глупая девчонка... А я и не была никогда глупой, а просто беззащитной девочкой тринадцати лет с сигаретой во рту. Не знаю, кто мне внушил идею о том, что закончив девять классов, я могу покинуть ненавистную школу и поступить в техникум, который находился за пределами Серебристой чаши. Эта идея стала моим спасением и моей целью. Когда я в очередной раз боялась подняться по школьному крыльцу, где гоготал вечный кружок, то я поддерживала себя скорым переходом в другое учебное заведение. Там меня не могли достать длинные руки кружка, там меня никто не знал. А ещё у меня была тетя, на которую мне хотелось быть похожей. Она работала бухгалтером и имела доход побольше нашего, хорошо выглядела, не занималась физическим трудом, как моя всегда усталая мама. У меня появилась цель, и она не давала мне сдаться. Я продолжала ходить в школу, не огрызалась на обзывательства, и от меня отстали. Учебный год я закончила с грехом пополам. Мне оставалось доучиться всего один год, чтобы вырваться из Серебристой чаши. Наверное, это и есть хэппи-энд? Полное отсутствие друзей, прочно въевшиеся в кожу и кровь воспоминания о моем унижении. Возможно, от меня отстали ещё потому, что мои родители спохватились и

пошли к директору школы, когда я однажды вернулась домой без сумки с учебниками. Дело было зимой. У меня был зелёный пуховик. Мы с мамой купили его на рынке. И сумку, которую у меня утащили, красивую, черную, мы тоже купили на рынке. Хорошо, что в тот день родители были дома, когда я пришла. Иначе неизвестно, сколько бы ещё мои проблемы бы длились. И опять этот вопрос. Почему я никому ничего не сказала, не попросила помощи. Мне было стыдно, что я позволяла так к себе относиться. Я боялась пойти на открытую конфронтацию. Боялась физического насилия, обзываний, оскорблений. Я ненавидела Серебристую чашу, и не люблю ее сейчас, хотя части моих обидчиков и в живых-то, наверное, нет. Когда я приезжаю уже будучи взрослой женщиной в этот поселок, то с мрачным удовлетворением замечаю, как недалеко продвинулись в жизни члены того кружка. Отдельного внимания заслуживает история семьи того парня из соседнего подъезда, с которым я встречалась. О трагической судьбе его семьи я знала весьма поверхностно, но и то что я знала, достойно быть рассказанным.

Итак, семья. Большая. Глава семьи – спокойный, крупный тюлень, мать – энергичная, цепкая малютка, младший сын, взрослая дочь, почти не живущая в доме, старший сын – Игорь, мой недолгий ухажёр. Времена нестабильные, самый конец прошлого века, народ выживал, торговал, экономил. Хлынула разномастная информация обо всём и ни о чем конкретно. Россияне, словно слепые кутята тыкались

и мыкались без работы. Большие предприятия позакрывались, в магазинах дорого, мужчины опускали руки, а женщины не могли позволить себе такой роскоши и ввязывались в торговый бой. Моя мама торговала шоколадом, мороженым, жвачками и всякой мелочевкой. Папа и я подвозили по утрам товар на ее точку. Помню раннее зимнее утро. Холодно и темно. Папа раздражён и ехать никуда не хочет, а надо. Я спускаюсь вниз и сажусь в его заледеневшую "копейку", пытаюсь завести машину, она не заводится. Чтобы почувствовать себя веселее, я включаю габариты и ближний свет. Через минут десять выходит мой папа и начинает ругаться, что я посадила карбюратор, включив габариты. Мне обидно, и я не помню уже, чем закончилось то утро.

В нашей семье было принято употреблять алкоголь исключительно по большим праздникам, которые можно пересчитать по пальцам одной руки. Новый год, день рождения кого-то из взрослых, мамы или папы.

В семье Игоря установились немножко другие традиции. Его отец мог выпить на пару с женой, допустим, в одну из тяжёлых пятниц. Они могли отпраздновать окончание рабочей недели. Мама Игоря относилась к тому сорту женщин, которые умели пить без последствий в виде быстрого алкоголизма и отекавшего лица по утрам. Она была очень деятельной и злой на работу. Она хваталась за всё, и всё в ее руках горело. Ростом мама Игоря была невысокого, худенькая, приятная на лицо, но не более. Она подкрашивала свои тонкие гу-

бы розовой блестящей помадой и носила короткую стрижку. Волосы ее были темно-русые и, кажется, вились от природы. Помню она однажды бежала на работу, и ее невысокие каблочки скоро-скоро цокали по асфальту. За спешащей женщиной стремительно неслась мелкая собачонка. Она тявкала и то и дело пыталась зацепить зубами край брюк. Женщина пару раз останавливалась и отпугивала псину топаньем ноги, при этом сама хохотала. Этот лёгкий искристый хохот уже десятки лет как растворился в воздухе Серебристой Рощи, а я до сих пор его помню.

Когда я вырвалась из школы и стала ездить на профессиональное обучение в другой город, то события в поселке меня, вообще, перестали интересовать. Казалось, что с потерей моего интереса к жителям Серебристой Чащи, их жизнь тоже закончилась. Но, разумеется, это было не так. Жизнь их продолжалась, только я об этом ничего не знала и не хотела знать. Однажды после занятий в техникуме я ждала на остановке междугородний автобус, чтобы ехать домой. Была поздняя весна, очень тепло. На мне были бежевые леггинсы и какая-то блузка, уже не вспомню. Я чувствовала себя нарядной и ухоженной. Автобус этот подходил к остановке пустым, но мгновенно после открытия дверей, салон заполнялся суетливыми, агрессивными людьми. В который раз, оглядывая будущих своих соседей по автобусу, а это были, в основном, бабули с авоськами, я думала, что моя красота пропадает в их обществе. Тут я заметила молодую девушку

с огромным беременным животом. Она мне смутно кого-то напомнила. Сердце застучало, это была Танечка, та блондинка, которая накручивала мои волосы себе на пальцы. Я восхищалась ее всегда модным видом и сильным характером, но после случая за школой, я заставляла себя ее ненавидеть. А тут она стоит беременная, но все равно худющая, бледная, не с мужчиной, который бы посадил ее в такси и отвез домой с комфортом, а с мамой. Танечка облокотилась на мать и ждала, когда подъедет автобус. Мы все ждали этого, вся толпа. О том, чтобы сесть в этом автобусе, я и не мечтала. Орудовать локтями я тогда ещё не умела. Я думала о том, как Танечка сумеет занять себе место, и почти жалела ее. К беременным и молодым мамам я испытывала трогательную симпатию, да и сейчас готова многое простить той, которая вынашивает дитё. В толпе появилось волнение, значит, кто-то заметил движение автобуса. Волна людей понесла меня вперёд. Я увидела жёлтый автобус, услышала, как открылись двери. Танечка волшебным образом очутилась в салоне первой. Она всегда была деловитой и работала локтями как дышала. Меня внесло в заднюю дверь, и краем глаза я заметила, что Танечка с мамой сидят на первом сидении. Она склонила свою белокурую головку на плечо маме, и я снова ничего кроме благоговения почувствовать к Танечке не смогла. Ну, да и ладно. Все равно ее не вез отец ребенка в комфортном авто. Меня сжали бабули со всех сторон, я ощущала запахи хозяйственных хлопот и сокрушалась тому, где прово-

жу свою юность. В автобусе. Прошли годы, я закончила техникум, работала в Москве. Первый мой коллектив напоминал мне свору из подростков в Серебристой Чаще. Не потому, что на работе мне попались злые нехорошие люди. Вовсе нет. Так уж получалось, что я не могла изжить в себе страх к любому сформировавшемуся коллективу. Рана была ещё слишком свежей. Чтобы не испытывать на себе агрессию, я притворялась тенью. Зато, когда я возвращалась домой после работы, то чувствовала себя победительницей. Ведь те, кого я боялась каких-то пять лет назад, остались мертвыми погорельцами, остались в том же сплетничающем кружке, их лица стали опухшими, испитыми. А я неплохо зарабатывала и понимала, что по сравнению с теми, кто заживо гнил в Серебристой Чаще, я шагнула очень далеко вперёд. Потом у меня случился первый серьёзный роман, и я, вообще, разом забыла те гадости, которые мне довелось испытать подростком. Тем временем жизнь в Серебристой Чаще шла своим чередом. Как-то раз я увидела, как миловидная девушка, смеясь, переносила большие подушки из подъезда, где жил Игорь. Она их водрузила на голову словно индианка и в сопровождении Игоря куда-то шла. Я сразу поняла, что девушка или его невеста или уже жена. Кажется, что мы сами ещё дети, а вот глядишь ты, уже чьи-то мужа и жены, уже чьи-то мамы и папы. Девушка была симпатичная, невысокая, подстать Игорю. Через какое-то время я увидела ее уже беременной. Маме Игоря снова предстояло стать бабушкой,

которой она стала впервые, когда ее дочери было лет шестнадцать. Мама Игоря и моя мама вместе работали на свиноферме. Эта свиноферма была градообразующим предприятием, если так можно было сказать о нашем поселке. Все жители имели отношение к свиноферме. Либо там работали сами, либо кто-то из членов семьи. Наши с Игорем мамы были акушерками для свиней и ухаживали за новорожденными поросятами до тех пор, пока они не вырастали до определенного веса. Работникам свинофермы полагались кооперативные квартиры, поэтому моя мама в свое время успела туда устроиться и получить заветное жильё. Работа со свиньями была нервной и тяжёлой, но возможность получить квартиру привлекала многих. Свиньи во время родов иногда становились непредсказуемо агрессивными, совсем как люди. Мама рассказывала, как однажды рожающая мадам несколько часов носилась по боксу и не подпускала к себе ветеринара, который собирался сделать ей обезболивающий укол. Обычно свиньи приносили до десяти поросят. Примерно половина свиней была чистоплотной. В их загонах было чисто и они не гадили там, где ели. У таких свиней и поросята были ухоженные, откормленные. Другая половина свиней оправдывала свое человеческое значение. В их загонах было месиво из еды, испражнений и поросят. Эти поросята часто болели и не набирали веса. Когда пришли голодные годы, свиноферма начала разоряться, заработную плату задерживали, а потом и вовсе перестали платить. Руководство, не слишком таясь

от рядовых работников, стало растаскивать все, что не приколочено. Скоро уже разделанных поросят выносили со свинофермы даже такие скромные сотрудники, как моя мама. Людмила, мама Игоря к тому времени уже не работала на свиноферме. Года за два до банкротства свинофермы Людмилу поймали на воровстве тех самых поросят и осудили условно административным судом на свиноферме. Поросят периодически воровали, но не слишком много. Обычно на это закрывали глаза, потому что многие с этого кормились. Но когда пропажа стала исчисляться десятками, решили с этим разобраться. Подозрения падали на других людей, не на Люду. Тех людей и хотели поймать, но попалась Люда. Поросят выносили ночью. Люда подавала через окно, а принимал ее поделник. Поделник успел сбежать, и Людмила его не выдала. Не потому, что благородная была, а потому, что два вора в связке это уже было бы уголовное дело, а не административное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.